

НАСТОЯЩИЙ
КИБЕРПАНК

18+

ПЭТ КЭДИГАН

ИСКУСНИКИ

Настоящий киберпанк

Пэт Кэдиган

Искусники

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Кэдиган П.

Искусники / П. Кэдиган — «Издательство АСТ»,
1991 — (Настоящий киберпанк)

ISBN 978-5-17-120910-0

Это мир, в котором новые технологии, даже не попав на улицы, порождают новые виды преступлений. Это мир, в котором компьютерные вирусы обретают личность. Мир, в котором сознание и окружающая среда слились до такой степени, что реальность постоянно переделывается, уничтожается и возрождается. А самые продвинутые демиурги нового времени – это Искусники, полулегальная группа хакеров и пиратов, которые берут образы из разума других людей и превращают их в то, что можно упаковать, продать и потребить. Все Искусники уже настолько подвели на виртуальную реальность, что многие навсегда уходят в искусственные миры, оставив свое тело. Но теперь в сети стало опасно, в ней появился странный вирус, обладающий подлинным разумом, который может обрушить любую систему и изуродовать человеческий мозг. Его создали Искусники, и теперь им придется остановить собственное творение.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-120910-0

© Кэдиган П., 1991
© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пэт Кэдиган Искусники

Pat Cadigan

SYNNERS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Mic Cheetham Agency и The Marsh Agency Ltd.

Перевод с английского: Лариса Михайлова

В оформлении обложки использована иллюстрация

Ольги Зиминой и Валерии Евдокимовой

Дизайн обложки: Валерия Евдокимова

Серия «Настоящий киберпанк»

Copyright © 1991 Pat Cadigan

© Лариса Михайлова, перевод, 2020

© Ольга Зиминая, Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

– Я скоро умру, – сказал Джоунз.

Статная тату-художница замерла, занеся иглу над незаконченным вторым лотосом на предплечье полупустого кадра в отключке, который сидел в кресле, свесив голову.

– Как, опять?

– Не смейся надо мной, Гатор. – Джоунз нервно провел костлявой рукой по поредевшим волосам.

– Разве ты слышишь смех? Тебе кажется, что я смеюсь? – Она поудобнее уселась на высоком табурете и подвинула руку с незаконченной татуировкой ближе к свету. Рисунок лотоса особенно сложен, к тому же необходимо было вписать его в уже имеющийся узор, а глаза девушки порядком утомились от ночных трудов. – Нет, я никогда не смеюсь над теми, кто так часто умирает. Знаешь, когда-нибудь ты доиграешься с адреналином, вся система откажет, и ты уже не очнешься. Может быть, это произойдет довольно скоро.

– Чем быстрее, тем лучше. – Джоунз повернулся к ней, отведя глаза от эскиза, прищипленного к стене палатки: череп в рамочке из роз. – Кили ушел.

Гатор убрала иглу и промокнула наколку. Кожа у всех кадров на Мимозе отличалась поганим качеством, но создания это были смирные и служили надежным хранилищем данных – терпеливо дожидались на месте, где их оставляли, да и крали их редко, в отличие от других видов копий.

– А ты чего хотел? Думаешь, легко жить с человеком, который постоянно умирает? – В ее больших зеленых глазах явственно читался укор. – Лечиться тебе пора, Джоунз. Ведь ты подсел.

Горькая улыбка на лице Джоунза заставила Гатор быстро перевести глаза на свои лотосы.

– Джоунз и его наркотик. Конечно. Но мне уже все равно. И я ни о чем не жалею. Если б мне пришлось еще хоть на день застрять в той депрессии, я бы точно покончил с собой. Раз и навсегда.

– Не люблю говорить о том, что и так очевидно, но в данный момент ты в депрессии.

– Вот поэтому я скоро умру. А Кили не от меня ушел. Он вообще ушел.

Художница прервала работу еще раз, чтобы набрать чернил в иглу, держа безвольную руку кадра на колене.

– А что, есть разница?

– Он оставил записку.

Джоунз выудил бумажку из заднего кармана брюк, расправил ее и протянул девушке.

– Поднеси ближе к свету – у меня руки заняты.

Он так и сделал. Несколько мгновений, на протяжении которых девушка разглядывала записку, казалось, тянулись очень долго.

– Ну? – Не вытерпел он.

Гатор отодвинула его руку с запиской в сторону и вновь склонилась к татуировке.

– Помолчи минуту. Я думаю.

Снаружи донеслись оглушительные звуки – это уличные музыканты, игравшие всю ночь, снова принялись за работу. Взмахнув по-цыплячьим руками, Джоунз подскочил на месте, будто его ударили током.

– Вот дерьмо, как ты можешь думать в таком грохоте?

– Не слышу, что ты говоришь.

Кивая в такт музыке, она закончила лотос и положила иглу на поднос. Осталось вплести в узор еще один цветок – и можно будет отправить кадра обратно под пирс, откуда она его и взяла. Гатор распрямила спину, растирая поясницу.

– Если ты действительно собрался умереть, хотя бы помассируй мне шею напоследок.

Джоунз принялся разминать ей плечи. Музыка снаружи чуть поутихла, отдаляясь: видимо, ребята двинулись на гастроли по улицам. Удачи вам, и кликните на помощь, если вас заметут.

Тут в палатку ворвался высокий мужчина в плаще до самого пола, и Джоунз снова дернулся от неожиданности.

– Эй, полегче! – Гатор шлепком сбросила руку Джоунза с плеча. – Ты что, вулканец?

Даже если до Джоунза и дошел смысл упрека художницы, вдруг вспомнившей древний сериал¹, он не подал вида. Все его внимание было занято черными узорами, которые вились по белой ткани плаща и волнами перемещались по его поверхности, то неуловимо вырастая в размерах, то уменьшаясь.

– Впечатляет, – сказала Гатор, потирая место, где Джоунз надавил слишком сильно. – Кто пошил? Мандельброт?

Мужчина встал спиной и развернул плащ во всю ширину.

– Согласилась бы умереть за такой, да?

– Это вряд ли, – мрачно откликнулась Гатор. – А если ты ко мне, то ошибся адресом. Я не делаю тату-мультипликаций.

– Собственно, я тут кое-кого искал. – Он быстро придвинулся к кадру, все так же мешком сидевшему в кресле, и взгляделся ему в лицо. – Нет, не он. Ну и ладно.

Выпрямившись, он еще раз взмахнул плащом. Тот запульсировал муаровыми узорами.

– Если тебя интересует, мы направляемся в Фэрфакс.

– Фэрфакс – дыра.

– Мы устроим там достойную вечеринку. – Мужчина расплылся в предвкушении.

– Я в курсе, кто ты такой, – откликнулась она, будто в ответ на его слова. – Спасибо за приглашение, но, как видишь, я занята.

Он перевел взгляд с кадра на Джоунза, по-прежнему зачарованного плащом.

– Станный вы тут народ, на Мимозе.

– Не тебе бы говорить.

– В последний раз зову. Точно не поедешь? – Он слегка наклонился. – Поцелуешь на прощание?

– Пусть это останется твоей мечтой. – Улыбнулась она.

– Ладно. Я включу тебя в свое видео.

– Вальжан! – раздался крик снаружи. – Идешь?

– Бегу изо всех сил, – отозвался он и вылетел в окружении роя фракталов.

– Давай, массируй. Никто тебя пока не отпускал.

Джоунз послушно возобновил массаж. Уличные музыканты ушли, наступило относительное затишье. Только откуда-то издалека доносилась минорная импровизация на синтезаторе.

¹ Имеется в виду сериал «Звездный путь», где представителей одной из инопланетных рас – вулканцев – нередко упрекали в бесчувственности. А также они особым захватом вырубали противника, лишая его чувств (Здесь и далее прим. перев.)

– Вот что я думаю, – помолчав еще немного, сказала девушка, – тебе нужно примириться с Создателем, хочешь ты этого или нет. Исповедаться по всей форме.

Джоунз резко хохотнул.

– Ну, конечно. И святой Дисмас² мне сразу поможет.

– Как знать.

– Я не из его паствы. Ему нет до меня дела.

– Теперь есть. Ты определенно попадаешь в его ведение как неизлечимо информированный. Дай-ка мне снова посмотреть записку Кили.

Джоунз передал ей бумажку, и, пока он прорабатывал пальцами шейные позвонки снизу до самого основания черепа, она всматривалась в текст.

– «Удиви, У-Ди-Ви» может означать только... В общем, ясно. «Разделить, накрыть, немного зеленых яиц сверху, и вперед. Бдии-бдии». Вот это «бдии-бдии» – особенно умиляет.

Джоунз снова рассмеялся.

– Да уж. Кили нужна помощь, а не мне. Это его чертово «бдение». Я ведь говорил ему, что однажды он влипнет. И умолял его обратиться за помощью.

– К тем же, кто и тебе «помог»? Всадить себе имплантат какой-то богадельни, которой до тебя и дела нет, пока твоя страховая компания исправно платит?

Она сбросила его руки с плеч и направилась к портативному компьютеру в углу палатки. На экране вращалось изображение веточки плюща, позволяя рассмотреть ее со всех сторон. Гатор пробежала пальцами по клавиатуре. К веточке добавилось несколько листиков. Нажала какую-то клавишу, и экран разделился на две части – плющ отодвинулся вправо, а в левой половине появилось меню.

– Посмотрим, может, кто-нибудь что-то знает, – сказала она, коснувшись одной из строк меню мизинцем. – Съешь записку.

– Не хотелось бы умирать на полный желудок.

Гатор вздохнула, но отвечать не стала. Меню в левой части экрана сменилось надписью большими квадратными буквами: «Автоответчик Доктора Фиша». Одной рукой она набрала слово «татуировки».

В ответ высветилось: «Ю/1 или Ди/1?»

«Ю/1», – напечатала она и, подождав немного, нажала еще одну клавишу. Линия, разделяющая экран, пропала. Вращающаяся веточка застыла и медленно исчезла.

«Доктор благодарит вас за посещение и напоминает, что необходимо правильно питаться, не переустомляться, регулярно проходить детокс и обязательно консультироваться с лечащим врачом, прежде чем приступать к новой программе упражнений».

Экран очистился, Гатор потянулась за сигаретой.

– Никто ничего не знает, – сказала она. – Завтра еще раз выйду на автоответчик, и посмотрим...

За ее спиной послышался мягкий удар о землю. Джоунз лежал на утоптанном песке, мертвый. Девушка застонала.

– Ах, ты, дерьмо. Ты все-таки сделал это, никчемный мерзавец. Надо бы тебя просто выбросить на помойку. И я могла бы так поступить, но только ведь Кили о тебе заботился. Бог знает почему.

Она вновь повернулась к компьютеру и вызвала на экран узор с черепом в венке из роз. Любопытно, что Джоунз выбрал именно его. Это подтверждало ее теорию о том, что каждому человеку соответствует своя татуировка – по крайней мере, одна, – нанесенная или нет. Правда,

² Святой Дисмас – один из распятых с Христом разбойников, который попросил у него благословения (Лука 23:39–43). Считается покровителем приговоренных к смерти, воров, могильщиков, заключенных. В мире «Искусников» его покровительство распространяется на тех, чей разум не выдержал обрушившихся на него информационных потоков.

в его состоянии вид черепа мог притягивать взгляд сильнее, но в ее коллекции были и другие узоры, гораздо откровеннее символизирующие смерть, на которые он не обратил ни малейшего внимания.

Снова разделив экран на две половины, Гатор открыла меню почты и загрузила узор с черепом и розами, сопроводив его коротким письмом:

В приложении – новый узор, который мы предлагаем вам как члену клуба «Татуировка месяца». Вы можете нанести его, когда вам будет удобно, но прежде чем нарушать целостность кожных покровов, не забудьте проконсультироваться с врачом.

Затем нажала ввод и стала ждать. Экран снова опустел, только в правом нижнем углу мигал небольшой квадратик. Шли минуты. Оставив буфер открытым, она подошла к кадру в кресле. Тот либо спал, либо перешел в бессознательное состояние. Перетащила его к входу и там оставила. Скоро придут мальчишки, собирающие мелочь на еду, можно будет заплатить им, чтобы они отволокли его обратно под пирс. Потом усадила на место кадра Джоунза и обнажила его левую руку.

Может, стоит украсить его тем черепом с розами, просто чтобы он себя лучше чувствовал, решила было она, но затем передумала. Если уж такой разборчивый, пусть платит. Гатор помнила Джоунза еще в те времена, когда он пытался взламывать видео, а потом просто болтался без дела, регулярно принимая наркотики сам и помогая их доставать другим. Единственная разница между ним и такими, как Вальжан, заключалась в том, что последний довольно долго ничего не употреблял и даже смог сколотить себе неплохую рок-группу. Или, может, она просто завидовала ему, потому что ей самой по роду работы приходилось всегда оставаться трезвой.

Компьютер тихо пикнул, девушка подошла к нему.

Еду. Слово мигнуло пару раз и исчезло. Снова вызвав узор плюща, она установила нужный размер и отправила его на печать. Маленький кубик принтера выплюнул полоску бумаги. Художница прижала ее к предплечью Джоунза и разгладила двумя пальцами. Минутой позже отклеила бумажку и всмотрелась в рисунок на бледной коже. Качество отменное. Она взялась за иглу.

Входное полотнище палатки откинулось и пропустило двоих мальчишек. Мрачного пятнадцатилетнего парня она уже знала, а его костлявого дружка видела впервые. От силы двенадцать. «Да, стареем», – подумалось ей.

– Отнесите его туда, откуда брали, – сказала она, указывая на лежащего на полу кадра. – Если не дотащите, то спрячьте где-нибудь по дороге и хорошо запомните место, чтобы мне смогли объяснить.

Старший из ребят кивнул.

– И сами не потеряйтесь, – продолжала Гатор, – потом нужно будет перетащить вот этого. – Она слегка помахала рукой Джоунза, держа ее в своей, – к одной моей подруге.

Мальчишка шагнул ближе и подозрительно скосился на Джоунза. Его дружок стоял за спиной напарника и большими испуганными глазами смотрел то на Джоунза, то на нее.

– Похоже, мертвый, – выговорил старший.

– Он был мертв, а сейчас в коме.

– За это наколешь нам. – Указал он на узоры.

– Вы поможете мне по доброте душевной. – Засмеялась она. – О татуировках поговорим позже. Гораздо позже.

– Эй, не грузи меня. – Он воинственно выставил вперед нижнюю челюсть. – У меня уже есть две.

– Радость моя, ты можешь считать себя взрослым и крутым, но здесь последнее слово за мной.

Он окинул компьютер жадным взглядом. На экране снова медленно поворачивалась веточка плюща.

– Не сделаешь, значит?

– Разговор окончен.

Парень обиженно надулся.

– Тогда не расслабляйся. К тебе могут гости нагрянуть.

– Хакеры, которые ко мне залезут, могут ведь и на «Доктора» напороться. Так что просто верните этого кадра на место и будьте поблизости, тогда и поговорим. Только по-английски. Я вашего птичьего языка не знаю. И наркотиков у меня не просите. Я и раньше ничего вам не давала, верно?

– Вот он – нарк. – Подросток показал на Джоунза. Вместе ухватив кадра за ноги, мальчишки выволокли его из палатки.

«Да-а, детки», – подумала она и принялась за плющ. Ко времени прихода Розы татуировка была почти закончена.

Глава 2

Самое неприятное в ночном заседании суда – вгоняет в сон, в глаза хоть распорки ставь.

Сидя на задней скамье в переполненном зале, зажатая между каким-то юнцом, звавшимся то ли Кларенс, то ли Клоп, и безымянным парнем в ковбойских сапогах, Джина пыталась подсчитать неизбежные убытки. Заводилой она не была, поэтому участие в набеге потянет не больше, чем на пятьдесят; максимум – на сотню, если ко времени, когда подоспеет ее очередь, судью уже успеют довести до белого каления. Употребление алкоголя и наркотических веществ в публичном месте, неподобающее поведение, недонесение о готовящемся набеге, нарушение права владения, сопротивление аресту – все вместе, скажем, еще сто пятьдесят, с учетом позднего времени – возможно, двести. Хотя предъявлять ей обвинение в сопротивлении аресту было бы в высшей степени забавно. Она только пыталась скрыться, и, насколько помнила, никому не успела даже врезаться, когда ее схватили. Да любой на ее месте припустил бы без оглядки, если бы за ним погнался целый батальон копов.

А, пошли они все, одним обвинением больше, одним меньше – какая разница? Штрафы съедят всю ее наличность, да еще с лихвой, значит, снова будет вычет из зарплаты, ну, да и черт с ним. Сейчас важно было поскорей выбраться отсюда, найти Марка и отвести его домой. Несчастный наркоман дал им увлечь его за собой, опять, а ей расплачиваться. Ее вообще бы тут не было, не отправься она на его поиски.

Взяли старт с побережья Манхэттен-Хермоза, которое подростки прозвали Мимозой – участка развалин, оставшихся после землетрясения, обиталища отверженных. Она была еще совсем девчонкой, когда шарахнуло, да и жила не в Лос-Анджелесе. Ребята, которые тусовались на Мимозе, тоже не помнили землетрясения. По их мнению, старый Манхэттенский пирс и пирс Хермоза с рыбацкой верфью на берегу всегда служили лишь укрытием для кадров. Вот часть из них, возможно, помнила времена до Большого Толчка. Хотя и не все, кто это утверждал.

Собственно, пирсы не должны были бы выдержать того толчка (хотя теперь поговаривали, что это вряд ли был Большой, а скорее так, Полусредний Толчок). Однако, если не считать провалов на старой рыбацкой верфи, стояли пирсы пусть и не в лучшем виде, но крепко. Не то, что Марк.

Пережить землетрясение, а потом бедлам на грани тысячелетий – неплохая подготовка, чтобы потом основательно сосредоточиться на созерцании собственных ступней, сидя под пирсом и накачиваясь всяким зельем, ходившим на Мимозе в изобилии. Марк всегда был готовым кандидатом пристроиться тут на песочке, даже в прежние годы, когда еще не начали настоящему сказываться несчетные вечеринки с его участием. Порой она испытывала страшное искушение позволить ему безвозвратно скатиться вниз, в кроличью нору в собственном мозгу. Ведь, как известно, кто-то способен остановиться, а кто-то – нет.

Но она не могла бросить его на произвол судьбы. И даже неважно, есть шанс его спасти или уже нет – заставить себя отказаться от этих попыток она никак не могла. Поэтому и провела еще одну ночь на Мимозе, заглядывая в покосившиеся сараи и пристройки, под пирсы, искала среди собравшихся потусоваться, спугивая по дороге какие-то парочки, чтобы забрать

его домой, засунуть под душ, протрезвить хоть немного и подготовить к первому дню работы в корпорации, до которого оставались сутки.

Кое-кто из завсегдатаев видел Марка в компании, направлявшейся в Фэрфакс. Накачавшего под завязку, ясное дело. Хотя дурню были не по душе все эти набеги, но, видимо, кто-то – вроде Вальжана и его безбашенных дружков – запудрил ему мозги, пообещав незабываемое веселье. И кому понадобилась эта вылазка в развалины Фэрфакса?!

Джина домчалась до Фэрфакса, выжав все возможное из арендованной двухместной красной машинки городского сообщения. Величественные руины зала Пан Пасифик кишели народом – фанатами трэша и рока, повсюду торговал передвижной лоток наркотических «разносолов», а хакеры, рассеявшись повсюду с ноутбуками, гоняли на них обводные программы, чтобы сбить с толку системы безопасности. Все как на любом незаконном сборище, наскоро устроенном в общественном месте, но Марк куда-то уже свалил, если вообще здесь появлялся. Не успела она напасть на новый след, как нагрянули копы и всех разогнали.

Поглощенная мрачными мыслями, она уже чуть было не задремала, когда вся масса народу, собравшаяся впереди нее, встала навстречу судьбе. Справа от Джины какой-то тип с видеокамерой перелез через два ряда, чтобы взять лучший ракурс.

– Что, еще одна подпольная клиника? – устало спросила судья, глянув на свой монитор.

– Три группы обвиняемых, ваша честь, – объяснил обвинитель. – Врачи, персонал и пациенты.

– В такой час? – Судья пожала плечами. – Хотя, конечно, врачи всегда к услугам пациентов. Ведь если бы вы не оперировали круглосуточно, кое-кто из пациентов мог бы и передумать. Лучше бы вам заниматься страховым подлогом где-нибудь в другом месте. Вроде Марса. Повторно задержанные есть?

– Мы к этому вскоре перейдем, ваша честь. – Поспешил вмешаться обвинитель, заметив, как несколько рук потянулось вверх.

Джина подалась вперед, усталость как рукой сняло. Обычно, чтобы пресечь страховой подлог, не устраивают рейд среди ночи. Монотонно стали зачитывать обвинения: сговор для совершения подлога, подлог, неоправданная процедура имплантации – обычные обвинения против клиники, которая под предлогом лечения депрессии, приступов эпилепсии и других нарушений мозговой деятельности имплантировала чипы пациентам. Подумаешь, очередная богадельня. Девушка опять начала клевать носом.

– ...незаконное взаимодействие с машиной.

Глаза снова широко открылись. По залу суда прокатился шум, кто-то издал сдавленный смешок. Тип с видеокамерой перелез через ограждение, отделяющее места для зрителей, и теперь не спеша снимал всех обвиняемых.

– А что, господин обвинитель, подразумевается под «незаконным взаимодействием с машиной»? – спросила судья.

– У вас на экране должна вот-вот появиться нужная информация, ваша честь.

Судья ждала, все присутствующие тоже застыли в ожидании. Прошло около минуты, после чего судья с раздражением отвернулась от экрана.

– Пристав! Ступайте сейчас же вниз и сообщите, что у нас технические проблемы. Не надо звонить. Пойдите и доложите лично.

Сидевший рядом с Джиной не то Кларенс, не то Клоп громко и напоказ чихнул. Судья ударила молотком по столу.

– У нас тут есть эффективный способ лечения приступов веселья. Шесть месяцев за оскорбление суда кто-то может назвать старомодным снадобьем, но оно безотказно, да и направлять счет вашей страховой компании не потребуется. – Судья перевела гневный взгляд на обвинителя. – Вас неоднократно предупреждали, чтобы вы не вводили данные свидетельских показаний и конфискованные материалы без должной процедуры очистки.

– Все процедуры были выполнены, ваша честь. Очевидно, они нуждаются в обновлении.
– Кто отвечал за хранение этих данных? – спросила судья и обвела группу обвиняемых строгим взглядом. Кто-то в середине робко поднял руку.

– Ваша честь. – Вмешалась адвокат, – персонал, отвечающий за хранение данных, не может привлекаться к ответственности за распространение вирусов. Согласно решению по делу «Валлио против Макдугала», Макдугал не был признан виновным в распространении заражения, которое уже могло иметь место.

Судья вздохнула.

– Тогда кому принадлежат эти данные?

– Ваша честь. – Еще быстрее внесла протест адвокат, – имя владельца данных не может быть оглашено без установления...

– Ясно, ясно. – Отмахнулась от ее слов судья. – Вирусы возникают сами по себе, проникают в сеть без участия человека, и никто никогда за это не несет ответственности.

– Ваша честь, даже если не затрагивать вопроса о самооговоре, в наши дни чрезвычайно сложно доказать, что любой рассматриваемый вирус не существовал уже в системе в консервированном виде, ожидая сигнала к началу действия...

– Я знакома с данной проблемой, благодарю вас, мисс Пэлем. Это ничуть не облегчает имеющуюся ситуацию.

– Прошу перерыва, ваша честь.

– Отклоняется.

– Но вирус...

– Советник Пэлем, – устало сказала судья, – человека вашего поколения данный факт может шокировать, но суды отнюдь не всегда были напичканы компьютерами, и заседания было не только возможно, но и вполне обычно проводить без сетевого подключения. Мы продолжим заседание, при необходимости обращаясь к бумажным копиям; именно для этого суд содержит судебных писарей и составителей сборников судебных решений. Я по-прежнему хочу знать, что означает обвинение в «незаконном взаимодействии с машиной», – обратилась она к обвинителю.

– Ваша честь, – не замедлил тот с ответом, – предъявленное обвинение осложнено обвинениями во взломе и проникновении, а также в промышленном шпионаже. Истец желает, чтобы слушания по данному делу проводились при закрытых дверях. Прошу разрешения очистить зал суда, ваша честь.

– А кто является истцом?

– Ваша честь, истец желает сохранить и эту информацию конфиденциальной. Временно.

– Отвечайте на вопрос, советник. Кто истец?

Джина внимательно огляделась вокруг, но в зале суда никого, кроме задержанных вместе с нею в Фэрфаксе, не было. Типа с видеокамерой пристав оттеснил обратно за ограждение.

– Прошу разрешения приблизиться к судейскому столу, ваша честь.

– Разрешаю. – Кивнула судья. – Но надеюсь, что у вас есть для этого веские основания.

Какое-то время они совещались, а обвиняемые из клиники переминались с ноги на ногу, молча, но полные тревоги. Парень с камерой присел на ограждение, с досадой глядя на объектив, который пристав заклеил специальной черной нашлепкой.

– Суд считает, что конфиденциальность послужит общественной пользе в данном деле, – коротко заявила судья. – Прежде чем мы очистим зал суда, кто еще ожидает очереди и по какому поводу?

Второй пристав отвел группу из клиники в сторону, а Джина вместе с Кларенсом или Клопом, отморожком-«ковбоем», грохочущим своими сапогами по полу, и прочими участниками вылазки предстали перед судьей. Та вскоре прервала зачитывание обвинений.

– Это все? Никаких предумышленных убийств, незаконных взаимодействий с машиной? Замечательно. Суд снимает с вас обвинения, – объявила она, на мгновение остановившись взглядом на Джине, – несмотря на то, что кое у кого тут приличный список задержаний. Так как нам не удалось установить зачинщиков, а кроме того, имеется улов поважнее, суд отпускает вас, в полной уверенности, что все вы сюда вернетесь, не завтра, так в обозримом будущем. Одной судимостью больше, одной меньше – для таких, как вы, это роли не играет. Все свободны, кроме тебя. – Указала она на горемыку в сапогах. – Проведешь ночь за решеткой, а утром побеседуем.

Джине пришлось прикусить щеку, чтобы удержать улыбку, но полностью ее скрыть не удалось. Судья покачала головой и подала знак очистить зал.

* * *

– Ну что, готова продолжить?

Подняв голову, Джина увидела над собой расплывшееся в улыбке лицо Кларенса-Клопа. Разве этот парень никогда не устает? Что бы он ни употреблял, наверняка это более сильная штука, чем можно раздобыть у продавца «разносолов» во время вылазки.

– Я сваливаю отсюда, – ответила она, продолжая двигаться к выходу мимо него, не заботясь, заденет она его по дороге или нет. Но он затрусил вслед за ней по блестящему полу.

– Нет, правда, – вполголоса, почти шепотом продолжал он, – я знаю, где сейчас весело, еще один набег, только получше, чем тот, где нас свинтили.

– Не маячь перед глазами. – Она прибавила шаг, борясь с навалившейся усталостью.

– Эй, подожди...

Она быстро завернула за угол и уже собиралась врезаться приставале, но кто-то врезался в нее саму, и девушка полетела на покрытый лаком пол. Повсюду разлетелись бумаги. Кто-то кинулся их собирать.

С трудом поднявшись и сев, Джина потерла скулу, а потом удивленно моргнула, увидев прямо перед собой сплошную стену деловых костюмов. Девушка перевела глаза выше.

– Гора Рашмор³, ни дать ни взять, – сказала она. – Не далековато ли к западу в такое время года вас занесло?

Сверху на нее глядели трое мужчин и женщина. Атака Оживших Костюмов. Джина пожала плечами и, цепляясь за карманы ближайшего к ней, встала. Человек не сдвинулся с места и даже не переменялся в лице. Собственно, это лицо было ей знакомо. Откуда – вспомнить не получалось, но ничего хорошего с ним связано не было. По его глазам было видно, что он узнал Джину и что она ему не нравится, совсем не нравится.

Ну и хрен с ним. Проведя рукой по своим дредам, она решила изобразить, будто вовсе лыка не вяжет. «Нужно перестать смотреть такие дикие сны», – пробормотала она себе под нос, протолкнулась прямо через середину сомкнутой группы и двинулась дальше.

Она благополучно добралась до первого этажа, Кларенс-Клоп больше на горизонте не показывался. На выходе какое-то неосознанное чувство заставило ее выйти не через центральную, а через боковую дверь справа. В результате она получила возможность наблюдать, будучи незамеченной, как из лимузина без опознавательных знаков, припаркованного у обочины, вылезают Холл Гален и Линдел Джослин. Парнишку, который вылез вслед за ними, она не знала. А вот следующим показался Видео-Марк.

Парнишка задержался на первой ступени лестницы, когда все, включая Марка, начали подниматься. Гален обернулся, чтобы поторопить его, и Джина отступила к самой стене.

³ Гора Рашмор – гора на северо-западе США, на которой высечены изображения четырех президентов Соединенных Штатов.

– Ну же, Кили, шевелись, – своим сочащимся лицемерием голосом, всегда напоминавшим Джине испорченного ребенка, сказал он. – Или ты думаешь, свидетеля обвинения вносят в зал суда на руках?

Джослин поднесла ко рту свою костлявую лапку и неслышно хихикнула. И эта ходячая смерть была хирургом клиники имплантации! Да любой при виде такой страхолюдины с имплантационным шприцем должен вскочить с операционного стола и бежать куда глаза глядят, если еще не совсем сдвинулся.

– Вы мне обещали вручить подписанный экземпляр договора, – сказал паренек. – Что-то я его не вижу.

Он был еще моложе, чем Джине показалось вначале – видимо, совсем недавно отметил совершеннолетие.

– Он там, наверху, у наших юристов.

Только ребенок способен поверить Галену, когда тот напускает на себя такой беззаботный тон. Фальшь в его словах была слишком очевидна. *«Беги, дуралей, – подумала она, – может быть, они от тебя этого не ожидают, считают, у тебя кишка тонка, и не позаботились отрезать пути к отступлению».*

– Вы говорили, что бумага будет у меня на руках, прежде чем я войду в зал суда, – продолжал настаивать парень, обороняя свои позиции. Но крепкой эту оборону назвать было нельзя, вот-вот он был готов позволить им затащить себя внутрь. Джине не хотелось наблюдать за этой сценой, но улизнуть незаметно ей бы не удалось.

– Ну конечно, Кили, – сказал Гален, причмокнув губами. Этот звук всегда вызывал в Джине сильнейшее желание вдарить ему по яйцам. – Мы обещали все оформить, но на это нужно какое-то время, ты же понимаешь, нельзя заставить принтер работать быстрее. Все путем.

Парень опустил глаза и снова что-то пробормотал о договоре.

Тогда Гален отбросил всякую видимость дружелюбия и спустился на несколько ступеней, ровно на столько, чтобы быть на дюйм выше своей жертвы.

– Там полный зал народу, а у судьи вот-вот лопнет терпение. Мы заходим. А ты поступай, как знаешь: явишься ты добровольно или тебя доставят силой – мне лично без разницы.

Марк громко зевнул, и Джине на мгновение показалось, что он смотрит прямо на нее, укрывшуюся в тени. Она напряглась, но его взгляд заскользил дальше. Джина привалилась к стене. Даже если он ее и заметил, то вряд ли смог вычленить ее образ из бесконечного видео, крутящегося у него в голове. Черт, да он, скорее всего, и сам не знал, где находится. *«Дай мне только до тебя добраться, поганец, – подумала Джина, – дай только добраться – в кровь избыю, живого места не оставлю».*

Судя по его виду, живого места на нем и так почти не осталось: кожа да кости, каштановые волосы до плеч на манер Иисуса Христа безжизненно свисают, нос перебит, зеленые глаза выцвели, а когда говорит – как будто ворочает языком во рту тяжелые камни. Впрочем, Марк не отличался презентабельным видом, даже когда они только начали совместно заниматься видеобизнесом, – она, Марк и Ударник; остальные появлялись и исчезали, а они все забивали и забивали свои симуляции в видеоклипы рок-групп. В то время Ударник действительно был музыкантом, Марк блистал выдумкой, а не слонялся как опустевшая оболочка, будущий же воротила Холл Гален еще на горшок ходил. А Джослин, скорее всего, мучила маленьких хомячков.

И тут, будто шальная мысль Джины активизировала ее, Джослин зашевелилась и сделала несколько шагов в направлении Марка. *«Не трогай его, сучка, – мысленно проговорила Джина, беззвучно шевеля губами, когда мертвенно-белая рука Джослин опустилась Марку на плечо. – Убери свои лапы, дрянь, это мое мясо».*

Рука Джослин по-прежнему оставалась на плече Марка, будто она не желала, чтобы случайный порыв ветра унес его прочь. В его теперешнем состоянии хватило бы и легкого ветерка. Но где-то внутри по-прежнему крылась способность делать клипы убийственной силы. Хотя Джина вовсе не поэтому держалась за этого типа, данный аргумент неизменно приходил на помощь в ее споре с собой, когда других уже не оставалось.

Наверное, она не сможет отпустить его даже тогда, когда он совсем сдвинется, а он уже приближался к этому. Причем это осознавали все – она, Ударник, даже сам Марк где-то в глубине своего выгорающего сознания. И Галену тоже это было прекрасно известно. Так что же он делал здесь, на ночном заседании суда, в компании со старой развалиной Марком, почти съевшим с катушек, с подростком, явно не горящим желанием играть роль свидетеля обвинения, и со скелетихой, специализирующейся на мозговых имплантатах – вот вопрос на засыпку.

Но еще более важный вопрос: какого хрена тут делал Марк, не обмолвившись ей даже словом об этом? Они всегда работали с Марком вместе. Целую вечность. С самого начала. И тогда, когда Гален выкупил у Ударника большую часть его компании по производству видео, и когда Гален продал «Ай-Трэкс» гигантской корпорации. И послезавтра, в свой первый день работы на эту корпорацию, они тоже должны быть вместе...

Догадка озарила ее в тот момент, когда паренек сдался и позволил Галену увлечь себя вверх по ступенькам. Не предвещающее ничего хорошего знакомое лицо в коридоре суда – это был Ривера, один из начальников средней руки в корпорации «Диверсификация». Он пару-тройку раз заезжал в «Ай-Трэкс», все вынюхивал, делая смотр последнему приобретению своих боссов. Ей удавалось каждый раз избежать встречи, но обманываться не приходилось. Ривере прекрасно было известно, кто она такая и что из себя представляет, поэтому пожелай он ее разыскать – без труда сделал бы это. Да любой бы разыскал. Наложенные судом вычеты на доходы привели бы прямехонько к ней.

«Удивила я все же этого гада», – подумала она. Но чувство удовлетворения быстро улетучилось. Крупные гады типа Риверы не любили, когда их удивляли. Придется ей за это расплатиться.

Или Марку. При виде того, как он скрывается в дверях, уже поднявшись по ступеням, по коже Джинны побежали мурашки, даже дреды зашевелились. В голову вдруг пришла дикая мысль: прокрасться внутрь, затаиться и схватить его, когда он будет выходить, – но предугадать, сколько продлится заседание, было невозможно. Да и Ривера мог кого-нибудь отрядить на ее поиски. Лучше уж она подождет Марка у него дома.

В темноте наверху возникло какое-то движение, на мгновение показалось, что это посланцы Риверы уже ищут ее. Но тут она различила на фоне более густой тени очертания видеокамеры.

– Довольно любопытная сцена, верно? – сказал мужчина. – По крайней мере, она возбудила ваш интерес.

Он спустился на несколько ступенек.

– Удалось без проблем отлепить ту наклейку? – спросила она.

– Никого из этих людей не знаю, а вы?

– Неужто?

– Я первым спросил. – Хохотнул он. – Ладно, один черт. Кое-кого признал. Теперь ваша очередь.

– Кое-кого признала, – словно эхом отозвалась она.

– Хотелось бы узнать, в чем мы сходимся. – Он подошел еще ближе, стоя теперь всего лишь на одну ступеньку выше. – Может ли вас заинтересовать чашечка классного кофе?

Джина провела руками по лицу:

– В настоящий момент, приятель, ты не мог бы заинтересовать меня, если бы даже голышом залез в ванну с лимонным желе. На кого работаешь?

Мужчина заколебался, совершенно явственно решая, врать или нет. Марк считал, что крайнее утомление усиливает восприятие невербальных символов, почти как при телепатии. Если только удастся не заснуть прежде, чем их заметишь.

– То здесь, то там подрабатываю...

– Понятно, на ниве желтой прессы.

Он издал смешок, даже в такой момент прозвучавший весьма сексуально.

– Подрабатываю там, где для моих материалов находится местечко. Не думаю, что придется особенно трудиться, чтобы найти подходящее местечко для сегодняшнего, вот только узнать бы побольше деталей.

Джина зевнула.

– Сомневаюсь, что этот материал тебе удастся пристроить. Скорее всего выяснится, что всем начхать на клиники-благотельни, что драматизма тут не больше, чем в заметках о покусанных собаками гражданах, и решительно никому, даже самой жадной до сенсаций желтой сети в самом хвосте списка твоих потенциальных покупателей, нет ни малейшего дела до этой истории.

– Ах, вот как. – Теперь без всяких смешков, совершенно бесстрастным голосом.

– А затем, – продолжала она, – причем довольно скоро, при попытке перекачать информацию ты вдруг обнаружишь, что вирус прошелся по твоим данным и, прожевав половину, перешел на камеру, которой дал сигнал самоликвидироваться. А может, не повезет настолько, что ты передашь этот вирус одному из своих драгоценных покупателей, и тот живо предъявит иск в суд, пока ты еще будешь соображать, что стряслось с камерой. Думаю, твою настойчивость при добывании информации вполне могут классифицировать как навязчивое состояние и вынести рекомендацию применить имплантотерапию. И очень скоро тебе станут безразличны любые новости. Нравится такая перспектива?

– Ты точно знаешь? – ровным голосом спросил он.

– Нет. – Джина снова зевнула. – Точно я знаю только то, что они налепили нашлепку на твою камеру и очистили зал суда. Твоя информация абсолютно незаконна, поэтому ты мигом окажешься за решеткой, если попытаешься ее продать. С остальной частью программы, может быть, повременят, пока не отсидишь срок до конца.

– Ты, похоже, неплохо осведомлена о таких вещах, – заметил он и наклонился ближе, желая, видимо, продолжения беседы.

– Ни фиги я не знаю. Устала до смерти, в голове только одна мысль – добраться до дома и как следует выспаться перед работой.

– А ты на кого работаешь?

Джина махнула рукой в направлении опустевших ступеней.

– На них.

И, отвернувшись от настырного типа, стала спускаться, оставив его переваривать услышанное.

Она слишком устала, чтобы понять, удалось ли напугать его. В лучшем случае он, если и не сотрет все, будет сидеть тихо со своей информацией. В худшем – это ее не касалось. У самой забот не впрок.

И она по-прежнему хотела надрать Марку его безнадежную задницу. Отлупить его от души.

Глава 3

В лос-анджелесском международном аэропорту все прошло так же гладко, как и в остальных пунктах пересадок: от Канзас-Сити до Солт-Лейк-Сити, от Солт-Лейк до Фриско, а оттуда самолетом местных авиалиний до Лос-Анджелеса. Словно эстафетный бег. Но только так можно было купить три билета на три разных имени (вернее, на два, в Сан-Франциско от нее не требовали документов, потому что рейс был местный), экономно пользуясь карточками на предъявителя, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

К инжектору инсулина на боку у Сэм вряд ли кому-то могло прийти в голову придраться. Один только раз его просветили на предмет подозрительных импульсов, а при посадке на местный самолетик охранник и вовсе не стал проверять, показав на свой: «Остается только молиться, чтобы побыстрее научились бороться с этой тканевой несовместимостью, верно, сестренка?». Охрану аэропортов интересовали взрывчатка и оружие, а не самодельное компьютерное оборудование. Да и вообще, устройство прежде действительно было инжектором инсулина – до того, как она поработала над ним.

Она не спеша шла по коридорам зоны прилета, позволяя толпе обтекать себя. Инжектор лежал в кармане мешковатых брюк в отключенном состоянии, неприметные солнечные очки висели на шее (эти очки вполне эффективно выполняли свою дополнительную функцию, проецируя изображение на сетчатку, в нерабочем же состоянии проекционный экран в левой линзе становился прозрачным). А чип-плеер лежал в дорожной сумке. И к нему тоже никто не проявил ни малейшего интереса, к тому же подобные устройства были гораздо шире распространены, чем крайне чувствительные диабетики, чей организм отторгал любые, даже специально выращенные, имплантаты. Но прояви охранники любопытство, из мини-наушников на них обрушилась бы стереолаваина спид-трэша. Эта разновидность тяжелого рока вновь переживала возрождение, потому что подрастающее поколение обнаружило, что с ее помощью всех, кто старше двадцати пяти, легко заставить заткнуть уши и ретироваться. Сэм обожала спид-трэш. Ей было семнадцать.

В зоне выдачи багажа пришлось протискиваться сквозь очередь людей, ожидавших, когда освободится одна из закрытых кабинок напротив багажного конвейера. Над кабинками жужжали и мигали эмблемы модема «Кэл-Пэк» – не самое вызывающее доверие зрелище, но никто из очереди не уходил. Сэм не переставала удивляться, до чего много народа пользуется общественными модемами «Кэл-Пэк». Из-за их широкой совместимости они были гораздо уязвимее для вирусов, сколько бы «вакцин» ни закачивали в систему. Половина этих антивирусных программ безнадежно устарела. А правительство и налогоплательщики (к каковым Сэм не относилась) вместо того, чтобы вкладывать средства в дальнейшие разработки и исследования, предпочли ужесточить наказание для вандалов. Как будто таким способом можно Шалтая-Болтая обратно собрать.

Она чуть задержалась у последней кабинки. На пластике по-прежнему было нацарапано кривыми печатными буквами: «Доктор Фиш наносит визиты». Чуть ниже появилась новая надпись: «Святой Дисмас, молись за нас».

У выхода к наземному транспорту собралась обычная группа зевак и вымогателей: несколько мелких торговцев, группки каких-то агитаторов, всучивавших свои листовки, и представители двух соперничающих местных клиник – мотивация вернется к вам, девушка, словно по волшебству, да-да, как по волшебству, диагностика проводится прямо на месте, в клинике, нет никакой необходимости в направлении, которое еще не всякий врач даст, потому что они не понимают, что целительная сила имплантатов принадлежит всем, буквально всем, кому необходима помощь.

– Жизнь теперь такая, что от нее тошно! – крикнул кто-то за ее спиной.

– От твоих слов мне делается тошно! – прокричал другой.

Сэм улыбнулась себе под нос. Ну и ну, карма сегодня тяжела.

* * *

На площадке аренды транспорта царил обычный хаос: опаздывающие на самолет создали затор, стремясь поскорее сдать машины, а пассажиры с приземлившихся рейсов пытались обратить на себя внимание служащих, которые уныло бродили без видимой цели между павильонами «Выдача» и «Прием» в центре площадки. «Добро пожаловать в Лос-Анджелес», – покорно подумала Сэм. За две недели в заповеднике у Макнаббов в Озарках ее порог чувствительности к бардаку заметно понизился.

Без особой надежды она встала в очередь к павильону «Выдача». Несомненно, к тому времени, когда она дойдет до окошка, служащий заявит, что остались только более вместительные модели автомобилей, но скидок они не предоставляют, следующий, пожалуйста. Однако она слишком устала от перелета, чтобы шагать до одной из стоянок отелей и садиться к частнику на челнок, где к тому же требовалось предъявить удостоверение личности для сканирования – а этого она всегда старалась избежать, пользуясь платежными чипами на предъявителя. Совсем ни к чему облегчать работу тем, кто захочет ее выследить.

Она выудила чип-плеер из сумки и надела наушники. Зазвучал убойный спид-трэш, совсем новая композиция, которую ей недавно скинул Кили, ничуть не пострадавшая после прогона через программу дешифровки. Вычлененную после дешифровки информацию Сэм смогла просмотреть прямо в самолете, ничем внешне не отличаясь от других скучающих подростков: с очками на глазах, погруженная в свою музыку. Никто не видел, что ткань потрепанной ветровки скрывала соединение плеера с инжектором, лежащим в кармане брюк, а под массой не поддающихся расческе волос совсем незаметно было, что шнур очков подключен к проводам, тянущимся к наушникам.

И сейчас она чувствовала сильное искушение подключить очки и снова взглянуть на данные Кили, но для этого еще будет время – если, конечно, она не умрет от старости, стоя в этой очереди за авто, которого ей, скорее всего, не достанется. Арендованные авто ей нравились ничуть не больше, чем прочим людям, испытывавшим к ним единодушную неприязнь, но иметь собственную машину в Лос-Анджелесе означало погрузиться в бюрократический кошмар: помимо безупречной истории вождения и уплаты приличной суммы за всевозможные разрешения, требовалось еще и возобновлять все бумажки каждые три месяца. В новом тысячелетии городские власти Лос-Анджелеса изобрели для решения транспортной проблемы массовую систему аренды, вылившуюся в сплошное недоразумение. На дорогах стали плодиться, как кролики, крошечные двухместные и одноместные авто, сделанные из самых дешевых материалов, со встроенным компьютером плохого качества. Компьютерная навигация помогала весьма относительно – система «ГридЛид» обычно отставала от реально складывавшейся ситуации минут на двадцать, то есть чаще всего извещала вас о пробке, когда вы уже прочно в ней сидели.

Сэм устало вздохнула. Ну вот, и часа не прошло, как она вернулась в Лос-Анджелес, а с таким трудом обретенного в Озарках покоя как не бывало. Одиночество подействовало на нее благотворно – тонизирующе, как сказал бы отец. В последнее время жизнь превратилась в настоящее безумие, ее окружение из числа хакеров просто сбрендило на информации. Постоянное пиление дома и перепалки с отцом тоже не помогали чувствовать себя спокойнее. Да, старик Гейб и Кэтрин внесли свою лепту – собственно, больше Кэтрин, чем Гейб, надо отдать ему должное. Годы, прожитые вместе, привели к временному помутнению рассудка, чего еще можно было ожидать. Одного воспоминания о родителях хватило, чтобы внутри все затрепетало: *«Если не вырвусь отсюда, то умру»*.

Причин сбежать в глушь было хоть отбавляй, да и того, что она добыла хакерским путем в «Диверсификации», было достаточно, чтобы на время уехать из города. Она-то, конечно, уверяла себя, что истинная причина, единственная причина ее бегства крылась в последнем обстоятельстве. Иначе пришлось бы признаться самой себе, что, как ни крути, невозможность обрести материнскую любовь и уважение терзала ее, словно нож в сердце.

В заповеднике у Макнаббов не требовалось предъявлять документы, там не спрашивали удостоверений личности для сканирования и не задавали лишних вопросов. В палатке – почти никаких удобств, низкая плата, общая душевая и туалет. Если у нее возникало желание узнать новости, то в магазинчике, который держали хозяева, всегда можно было заказать распечатку «Твоего ежедневника» из инфолайна, надо было только не лениться каждый раз переустанавливать личные настройки. Иногда приходилось ждать, потому что принтеров было только два, а если не хотелось терять время – Лорен Макнабб откладывала распечатку для нее и вручала при следующем визите.

Но какой бы приятной ни была смена обстановки, Сэм прекрасно понимала, что это всего лишь временное затишье. Ее жизнь – в Лос-Анджелесе, о возвращении куда она уже начала подумывать, когда ей позвонил Кили.

Единственным техническим устройством, которым Макнаббы снабжали все палатки без исключения, был телефон, сами же они не принимали сообщений для постояльцев и не имели обыкновения вторгаться к ним с известиями о чрезвычайных происшествиях. Телефон на тумбочке у изголовья кровати смотрелся в палатке довольно забавно. Сэм не ожидала звонков, потому что никому не сообщала о своем теперешнем местонахождении. Если кто и мог его вычислить – то именно Кили.

Взвинченный, как обычно; его странные отношения с помешанным на смерти Джоунзом тоже всегда действовали ей на нервы. Но на этот раз он не стал жаловаться на судьбу и на то, к чему идет Джоунз со своими имплантатами. Теперь он был взвинчен и испуган из-за попавшей в его руки информации. Способ ее добычи Кили предпочитал называть «бдением», как будто это звучало эффектнее, чем просто хакерство. Сэм подозревала, что он залез в «Диверсификацию». И зачем только она дала ему перед отъездом техническое описание своего модифицированного инжектора? Явная ошибка.

Собственно, модифицировала она всю систему до конца уже в Озарках, просто для практики, и чтобы убедиться, что в состоянии довести это дело до конца. И оказалось, не зря. Кили настаивал на переброске своей информации немедленно, а ноутбук она оставила у Розы.

Закончив пересылку, он попрощался и повесил трубку. Итак, скорее всего, его добыча тоже из «Диверсификации» – этой Джомолунгмы хакеров, где легче всего было попасться в ловушку. А на попавшихся они всегда подавали в суд. Кили же не мог удержаться от соперничества с нею, желая сравняться по числу удачных попыток. Она пыталась доказать ему бессмысленность этого соперничества: чем чаще станут они наведываться в «Диверсификацию», тем вернее их сцапают. Но у Кили всегда было больше изобретательности, чем здравого смысла.

Вероятно, она смогла бы убедить его, подумала Сэм, если бы открыла свою маленькую коммерческую тайну: ей удавалось обойти защиту благодаря тому, что на фирму трудился отец,

поэтому она многому научилась, просто впитывая его манеру работы. Может, у Кили хватило бы рассудительности оставить свои попытки, а может, наоборот, он тогда совсем замучил бы ее, стараясь выудить какую-нибудь подсказку или намек. Как бы то ни было, Сэм ощущала какую-то болезненную ответственность за то, что с ним могло произойти. Как ни смешно. Собственно, поэтому и вернулась в Лос-Анджелес.

– ...новое шоу, все оборудование бесплатно, совершенно бесплатно!

Голос, прорвавшийся сквозь грохот музыки в наушниках, показался знакомым. Она выключила плеер и оглянулась.

Молодому человеку в гимнастическом костюме, пробиравшемуся вдоль длиннющей очереди – от самого хвоста к началу – не повредило бы прибавить несколько килограммов, чтобы одежда не висела на нем мешком, и чтобы уравновесить водопад золотых кудрей, рассыпавшихся по костлявым плечам. Над его головой мерцала голографическая корона, то разгораясь ярче, то едва светясь, но он даже не пытался поправить настройку поясного проектора; не заботился он и о том, чтобы придать своему лицу менее скучающее выражение. Сэм расплылась в улыбке. С их последней встречи прошло немало времени, но она узнала бы Борегарда в любом обличье.

– Бесплатные билеты! – выкрикивал он, держа листочки двумя пальцами и помахивая ими. – На просмотр волнующего нового шоу!

Он почти миновал ее, когда Сэм ухватила его за рукав и спросила:

– И как, многие попадают на крючок?

Неузнавающе поначалу глянув на нее, молодой человек рассмеялся:

– Трахни меня на месте!

– Это тоже бесплатно?

Он вручил ей билет.

– С ним ты можешь убить час на просмотр новой серии фильма в видеошлеме, чтобы потом хвастаться перед знакомыми где-нибудь в Канзас-Сити. По поводу прочих услуг – обратиться к моему агенту. Не успеешь понять, что происходит, как он обслужит по полной программе.

– Спасибо, Бо, с этим я, пожалуй, повременю. Когда меня трахают, я предпочитаю понимать, что происходит. – Она оглядела его с головы до пят. – Замечательный прикид. Ты похож на мимов, которые выступали на улицах в старину.

– А ты – на одну из бродяжек, которые в старину спали в обнимку с теплыми вентиляционными колодцами. Некоторые вещи никогда не меняются. Где ты пропадала?

Она неуверенно оглянулась по сторонам. Борегард всучил два билета мужчине, стоявшему за ней.

– Возьми, а за это поддержишь ей место в очереди, ладно? На Голливудском бульваре перед «Китайским кинотеатром»⁴ можешь легко загнать их за сотню. Это дефицит, в городе за ними все гоняются.

Мужчина с сомнением уставился на билеты, и Борегард добавил еще парочку.

– Хорошо, бери эти тоже, но больше не могу, приятель. У тебя в руках верные две сотни. Это в четыре раза больше, чем берут тут за прокат самой крутой тачки. Спасибо, ты настоящий джентльмен.

И он потащил смеющуюся Сэм в сторону от очереди.

– Это правда – то, что ты ему наболтал?

– Конечно, нет. Ведь билеты бесплатные. Чтобы их сбыть кому-нибудь, ему еще придется самому заплатить.

⁴ «Китайский кинотеатр» – исторический кинотеатр в самом центре Голливудского бульвара, где торжественно проходят все премьеры.

Сэм недоверчиво покачала головой.

– И как тебе удастся выходить сухим из воды?

– Так же, как и тебе, милая. – Он игриво ткнул ее кулаком в подбородок. – Так где ты пропадала?

– В Озарках. Там очень красиво. А почему ты расхаживаешь с логотипом «Пара-Версал»?

Он бросил взгляд на изображение, все еще парящее над его головой.

– Для разнообразия мне повезло. Я получил роль в «Туннелях в пустоте».

Сэм посмотрела на билет.

– В этом самом шоу? И что это за штука?

– Небольшой отряд бесстрашных исследователей путешествует по вселенной, пользуясь черными дырами наподобие межгалактической подземки, и берет вас с собой на поиски захватывающих приключений, смеясь в лицо опасности и вопреки всем известным законам природы. Но что с того, все же это работа. Небольшую роль мне дали при условии, что я буду распространять контрамарки. – Увидев выражение лица Сэм, он забрал у нее билет. – Как я уже говорил, некоторые вещи никогда не меняются.

– Да уж. – Девушка покачала головой. – Видимо, это все, на что они способны. Межгалактическая подземка. Ну и бред! Они думают, люди совсем идиоты?

– Сама мне скажешь, если понаблюдаешь, как наш приятель будет пытаться сбыть свои билеты на Голливудском бульваре. «Диверсификация» приложила руку на финальной стадии создания фильма, вся реклама там только от их клиентов, а в настоящий момент на аукцион выставлено право производства одноименной игры. Множество картин стало прибыльным только за счет игр. И торговли виртуальными образами через сеть салонов «Стань кем хочешь».

При упоминании «Диверсификации» у Сэм что-то сжалось внутри.

– Прости, Бо, но я не понимаю, зачем ты тратишь на это время.

– Ну, конечно. Взламывать программы и скрываться от ищеек в какой-нибудь берлоге на Мимозе гораздо благороднее. – Он пожал плечами. – Я продал все свое железо Розе. Она найдет ему применение.

– И ты прежде находил ему неплохое применение, – без тени улыбки заметила она.

Борегард закатил глаза и преувеличенно громко вздохнул, отчего голографическая корона вздрогнула.

– Черт, может тебе просто, как остальным, перестать общаться со мной, пока я, выражаясь их словами, «не брошу маяться фигней»?

– Бо, если бы ты постарался, то мог бы создавать фильмы. И не туфту, вроде этих «Туннелей в пустоте», а действительно хорошее кино. Знаешь, многие считают, что вирус «Доктор Фиш» – твоих рук дело. Тот, который вырвался.

– Значит, мы вдвоем вырвались. – Его лицо окаменело. – Теперь зацепиться труднее, чем когда-либо. Все студии стремятся полностью перейти на симуляцию, и что тогда будет? Они скажут: «Нам никто не нужен», понимаешь? Никто из людей.

– Вполне вероятно, что студии действительно переключатся на полную симуляцию, Бо, – сказала Сэм, стараясь говорить ровно, без раздражения в голосе. – Не прямо завтра, но скоро. Для тебя и всех прочих актеров – слишком скоро. И если не будешь сам делать фильмы – окажешься в тупике.

– Да не хочу я их *делать*. Я хочу в них *сниматься*. Если это не соответствует основной тенденции в области культуры – тогда спиши меня в утиль. По крайней мере, я не пристаю к людям и не советую, как им следует поступать и к чему стремиться.

– Туше, красавчик. – Сэм подняла руки. – Мир?

На мгновение смутившись, он коснулся ее пальцев.

– Перемирие. Я вовсе не для того вытаскивал тебя из очереди, чтобы подраться. Рад встрече, Сэм.

– Взаимно. – Она помолчала. – С кем-нибудь виделся в последнее время?

– Ха. С кем, к примеру?

– Ну, с Розой, Гатор. – Пожала она плечами. – С Кили.

Борегард покачал головой, его голографическая корона при этом задвигалась полукруглыми из стороны в сторону.

– Я теперь ни с кем не вижусь. – Он с грустью провел пальцем по ее щеке и оглянулся.

– Послушай, мне пора...

Сэм кивнула.

– Увидимся, Бо.

– Если мне повезет по-настоящему, может, и увидимся.

Он снова завел свой речитатив, а девушка вернулась в очередь, с извиняющейся улыбкой глянув на мужчину, все еще державшего в руке билеты на просмотр.

– Простите, – обратился он к ней, прежде чем Сэм успела надеть наушники. – Как вы думаете, я действительно могу что-то за них получить?

– Ну, может быть. То есть, конечно. Думаю, что-то получить вполне реально.

– Значит, это не обман?

Он выглядел невесело.

– Вам же дали их совершенно бесплатно, – холодно заметила она. – Обманутым вы будете, только если пойдете на просмотр. Добро пожаловать в Голливуд, мистер.

* * *

Еще через полчаса она сидела в авто, которое лишь с большой натяжкой можно было назвать двухместным. На второе кресло с трудом уместилась дорожная сумка, но в данный момент это было неважно. «ГридЛид», как водится, передавала картину движения с большим отставанием, поэтому она прочно засела в пробке на Сепульведе, где, по всей видимости, и была обречена провести остаток утра, проклиная себя за то, что не захватила радиоприемник. Иначе можно было бы поймать подсказку с какой-нибудь независимой станции, работающей вне аморфной массы инфолайна и черпающей сведения о пробках из телефонных сообщений от водителей. Она глянула на встроенную в панель управления трубку. Черт, она сама бы могла сейчас сообщить о ситуации на дороге, да только это наверняка уже не новость.

Фец бы посоветовал воспринять происходящее как неожиданную возможность отдохнуть. *«В Лос-Анджелесе пробки – способ, которым Природа пользуется, чтобы устроить людям передышку»*. Но, с другой стороны, Фец рекомендовал ей и с родителями помириться, а это она не считала хорошей идеей.

Девушка вздохнула и глянула на экран навигатора. Карта исчезла, сменившись базовым сокращенным меню инфолайна. Славная старушка «ГридЛид»: что ж, люди, раз уж мы не смогли предупредить вас о пробке, то, пока вы в ней сидите, развлекайтесь бесплатно, за счет города.

Выбор был ограничен наиболее популярными разделами нескольких сетей, преимущественно в текстовом формате, иногда со звуком. Среди них она с некоторым удивлением обнаружила шоу «Звезды, загадочные кристаллы и ты» и «Дорогая миссис Не Вешай Нос» из «Общественной сети». Если вам не удастся предугадать, как будет развиваться ситуация на дорогах с помощью звезд и кристаллов, то, возможно, миссис Не Вешай Нос скрасит вам существование при скорости две мили в час.

Сэм нажала кнопку прокрутки на клавиатуре, расположенной между сидениями, и по экрану медленно поползли названия рубрик: «Бизнес: местный, региональный, общенацио-

нальный, международный», «Спорт», «Строительство Лунной базы», «Новости Пикадилло» – может, это? Тут встречались забавные подробности из жизни звезд, откровенничавших перед публикой. «Криминальная хроника», «Мир медицины», «Рок Лос-Анджелеса, включая самые свежие (!) видеоклипы».

Немного воспрянув духом, девушка выбрала этот раздел. На дешевеньком экранчике изображения, конечно, видно не будет, но зато она послушает новые композиции и, может, найдет хорошие отрывки для шифрования. Шифровать информацию было забавно: пустите, детки, эту музычку от конца к началу – и услышите послание дьявола. Кили бы одобрил идею.

Хотя спид-трэш как таковой терпеть не мог.

В голове возникла не до конца оформившаяся мысль: Кили прислал ей данные, «упакованные» в спид-трэш, а сам его ненавидел. *«Если бы Господь действительно считал, что для спид-трэша есть место под солнцем, он создал бы меня глухим».*

Ну и что? Он хорошо знал, что ей спид-трэш нравится, поэтому, вероятно, и выбрал для передачи своей информации музыку, которая доставит ей удовольствие.

Она состроила гримасу. Что-то тут не так. Кили спешил. В его распоряжении была масса других подходящих музыкальных фрагментов, от «Бранденбургского концерта» до сочинений Эдгара Варезе, от которых Кили был без ума. И взять любой из них ему было проще, чем найти композицию в стиле спид-трэш. К тому же, новую композицию.

Она перешла в раздел «Новые поступления спид-трэша», нетерпеливо барабанила пальцами по рулю, пока «ГридЛид» обрабатывала ее запрос. *«Поистине, Век Скоростной Информации»*, – кисло подумала она.

Секунд через десять на экране появился список. На этот раз ей повезло: первая же позиция в списке оказалась искомой – «Спятившие механисты»⁵ в исполнении группы «Скэттершот». Строка «производитель» заставила ее моргнуть от удивления: «Айеси/Ай-Трэкс», приоб. «Диверсификацией».

Значит, «Ай-Трэкс» приобретена «Диверсификацией»? С каких это пор? Почему такая новость прошла мимо нее? Она вернулась в общее меню «Рок Лос-Анджелеса» и выбрала раздел «Новости».

Ничего, кроме обычного набора сплетен об известных музыкантах и скандалов с их участием. «Главные новости индустрии» в подразделе «Рок-видео» пестрели сведениями об авторских правах, о том, какие художники заключали контракты с теми или иными компаниями, кто умер, а кто давно залег на дно и ничего не делал.

В подразделе «Рок-видео: приобретения» снова то же перечисление заключенных контрактов, ничего нового по сравнению с «Твоей ежедневной газетой», которую она читала в Озарках.

Сэм отодвинула люк на крыше и высунулась наружу, осторожно встав на сидение. Кругом безбрежное море арендованных авто с редкими вкраплениями частных машин, и ни малейшего признака движения. Сэм снова опустилась на место за рулем и с отвращением прошипела сквозь зубы: «Ч-ч-ерт!»

– Ужасно, правда?

Водитель машины слева приветливо улыбнулся. Она согласно кивнула.

– Даже еще страшнее.

– Думаю, нам всем нужно подать в суд на «ГридЛид», чтобы они, наконец, отладили свою программу, – продолжал мужчина. – Или хотя бы обеспечили полный доступ к инфолайну. Я тут ничего не могу найти.

⁵ Намек на цикл произведений Брюса Стерлинга о столкновении в далеком будущем двух фракций – «шейперов» и «механистов».

– И я тоже. – Сэм задумчиво на него посмотрела. – Скажите, вы случайно не следите за новостями рок-видео?

На его лице появилось извиняющееся и в то же время скучающее выражение.

– Нет, к сожалению. Я просматриваю разделы «Приходите на пробу» и «Ежедневное варьете», а прочее пусть себе катится в тартарары, если кого-то интересует мое мнение. – Он огляделся. – Сейчас я действительно этого желаю. Почему все эти люди не сидят дома, в кругу семьи?

– Простите! Эй! – Молоденькая женщина, ненамного старше нее, махала Сэм рукой из авто, стоявшего следом за тем, в котором сидел мужчина. – Я слежу за новостями рок-видео.

Во внешности женщины ничего, кроме длинных волос розового цвета, не выдавало трэшера, скорее она походила на поклонницу фолк-музыки, но Сэм сейчас выбирать не приходилось.

– Я только что прочитала в инфолайне странную вещь, – крикнула она, высунувшись из окна. – Там говорилось, что компания «Ай-Трэкс» приобретена «Диверсификацией». Вы что-нибудь об этом знаете?

Теперь уже та поглядела на Сэм удивленно.

– Нет, боже упаси. Это какие-то деловые новости. От них заснуть можно, такая скука.

– Да. Конечно, – вяло откликнулась Сэм, снова залезая в свою машину. Деловые новости. Господи, разумеется, где же еще и искать, черт подери. Пристыженная, она вернулась в главное меню и увидела, что там предлагалось познакомиться с бизнесом «местным, региональным, федеральным или международным». Никаких дополнительных указаний не было. Вполне естественно. Настоящие деловые люди не относились к целевой аудитории «ГридЛид» – они бы уж нипочем не вляпались в такую пробку. Сидели бы себе в офисах и делали все через сеть или по электронной почте. Как ее мать. *«Забудь, – сказала она себе. – Хотя бы до тех пор, пока не доберешься до места, где возможностей будет больше».*

Еще через четверть часа, когда, продвинувшись на целых пятнадцать метров, машины опять замерли, она все-таки обнаружила крохотную заметку в разделе «Обзор рынков: наиболее активные игроки на Нью-Йоркской фондовой бирже». У строки «Диверсификация» в примечании открывалась сравнительная табличка с финансовыми показателями до приобретения «Ай-Трэкс» и после. Дата – две недели назад, никаких ссылок на продолжение темы.

С досадой Сэм откинулась на спинку сидения и потянулась, подняв руки над головой в открытый люк на крыше авто. По-прежнему неясно, что все это значит. *«Если информация не имеет смысла – это не информация»*, – как сказал бы Фец.

«Что-то ты сегодня слишком разговорился, Фец» – пробормотала она. И погрузилась в звуки спид-трэша, в то время как солнце поднималось все выше над горизонтом.

* * *

«ГридЛид» наконец сочла необходимым сообщить, что в полумиле от того места, где теперь находилась Сэм, произошла авария. К этому времени ряды машин продвигались вперед методичными толчками, проезжая полтора метра за каждый. Появилось несколько торговцев, предлагающих стоящим в пробке еду, но следом тут же материализовались полицейские. *«Регулировать движение как следует не могут, – ехидно подумала Сэм, – а стоит кому-то попытаться заработать – они тут как тут».* В животе у нее заурчало. Переместившиеся с места аварии копы разогнали торговцев, когда один из них как раз направлялся к ней.

Она планировала сразу из аэропорта направиться на Мимозу, но, если не перекусить где-нибудь по дороге, можно упасть в обморок. Ощущая дрожь в руках, девушка свернула на Артезию и ехала по ней, пока, наконец, не заметила закусочную, где в очереди было меньше

пяти машин. В такие заведения она обычно даже не заглядывала, поскольку еда в них была ей совсем не по вкусу, но на этот раз повезло – в меню входили вегетарианские блюда.

Сэм едва дотянулась до большого экрана с меню и нажала на квадратик рядом с надписью «Рис суши в гнезде из морских водорослей». Ее заказ высветился красными буквами в центре экрана, а через секунду там появилось восклицание: *Прекрасный выбор!* «Забавно», – подумала Сэм. Хотя, что еще могли они написать? «Неудачный выбор» или «Полезы не принесет»? Наверное, поедателей гамбургеров тут приветствовали словами: «Медленная смерть!»

Затем из списка напитков она выбрала «чашка кофе, с кофеином». Появившееся сообщение на этот раз не мигало: *Главный врач государственной службы здравоохранения предупреждает, что избыток кофеина может вызвать повреждение хромосом, головные боли, напряжение, беспокойство и нарушение координации движений. У беременных, особо чувствительных к определенным химическим веществам, он может привести к появлению врожденных дефектов плода. Рекомендуется воздержаться; проконсультируйтесь с лечащим врачом.*

Сэм даже застыла. Ну и ну, закусочная с претензиями, таких она еще не встречала. Наконец, она шлепнула ладонью по квадрату отмены, но было уже поздно. Не в силах дожидаться, когда сможет, наконец, получить вожделенный кофе, чтобы выпить его одним глотком, она теперь не могла избавиться от подсознательного чувства вины, что заказала этот злокозненный напиток. Совсем нет жизни от всех этих заботливых предупреждений.

– Ничего себе меню у вас, – заметила она, высунувшись из люка и протягивая смятые долларовые бумажки продавцу, стоявшему в окошке выдачи.

– Да, надо пользоваться достижениями техники, – ответил он, без всякого интереса глянув на нее. Высокий, приятной наружности, со снежно-белыми волосами и ярко-зелеными контактными линзами. Скорее всего, актер, недавно приехавший в столицу кинематографа и в ожидании удачного расположения звезд подрабатывающий в закусочной. *«Только их неослабевающий приток, видимо, и поддерживает Старый Голливуд, не давая симуляционным технологиям поглотить его»*, – немного легкомысленно подумала Сэм. Если перестанут снимать картины с живыми актерами – кто будет работать в закусочных?

– Минутку придется подождать, – сказал он, протягивая девушке сдачу. – Только что открыли новую упаковку риса.

– Просто замечательно, что ваше заведение так заботится о покупателях. Особенное наслаждение мне доставила лекция о вреде кофеина.

– Проклятье! Джордж! – крикнул он кому-то внутри помещения. – Снова этот чертов вирус!

Сэм громко рассмеялась. Конечно, и как она сразу не догадалась. Знаменитый Доктор Фиш, с визитом на дом и непрошеными советами. Все признаки вируса «Доктор Фиш» налицо: не оказывая разрушительного воздействия на систему, он просто выбрасывает свои предупреждения, занимая память и замедляя работу программ.

Рядом с молодым человеком в окошке появился продавец постарше, явно не из актерской братии.

– Если тебя не затруднит, Хармон, перестань оповещать весь мир о наших проблемах, ладно?

Молодой человек показал на Сэм.

– Девушка говорит, что получила сообщение о кофеине.

– Оно выглядело как предупреждение главного врача государственной службы здравоохранения, – отозвалась она, пожав плечами. – Я подумала, что так и надо.

Старший продавец смерил Сэм хмурым взглядом, будто в происшедшем была и ее вина.

– Чудесно. Мы никогда не избавимся от этой заразы. Стоит только поверить, что выкорчевали вирус до основания, как он вылезает еще из какой-нибудь щели.

– Это из-за способа воспроизводства, – сказала Сэм. – Чистка не может удалить данные, в которых содержится вирус в спящем виде. У вас герпес, а не холера.

На лице у него промелькнуло отвращение.

– Что вы сказали?

Сэм глянула на молодого, тот с трудом сдерживал смех.

– Если удастся устранить симптомы холеры, вы вылечите и саму болезнь. Но если залечить язвочки герпеса, инфекция не исчезнет, а останется дремать в нервных волокнах, пока что-нибудь не спровоцирует ее вновь.

– Спасибо вам большое, мисс доктор, весь день мечтал вас послушать.

– Вирус заразен, – не могла не добавить Сэм. – Его можно передать и в неактивном виде. Авто позади засигналило.

– Сколько можно ждать? – спросила женщина, высовываясь из окна.

– Уже скоро, леди, – откликнулся пожилой продавец и наклонился к Сэм чуть ближе. – Похоже, вы в этом дока.

Девушка снова пожала плечами. Раз этот хмырь настолько отстал от сетевой жизни, что даже не слышал о Докторе Фише, она его просвещать не намерена.

– Если работаешь на компьютере, неплохо бы знать о нем побольше.

– Я просто управляю этим заведением. Нанимаю и увольняю сотрудников. – При этих словах он искоса глянул на молодого. – Хотите, я вам отпущу бесплатно?

Сэм отодвинулась и оперлась на крышу авто локтями.

– В честь чего?

– Услуга за услугу. Вы ведь наверняка знаете, как с этим справиться. А мы сэкономим на вызове специалиста из сервис-центра.

– Вы и сами можете устранить неполадку, – сказала Сэм.

– Я? Да я ни шиша в компьютерах не смыслю!

– Знаете, где находится выключатель?

Пожилый кивнул.

– И?

– Щелкните им. И убьете вирус на месте. Что бы там ни говорили ваши мастера из сервис-центра, только так можно избавиться от вируса. Вырубить ток.

Мужчина закатил глаза.

– Это не пройдет. Меню находится в корпоративной локальной сети, чтобы следить за количеством заказов. У нас тут просто тупые терминалы. Стоит нам отключить питание – тут же объявятся аудитор с приставом и арестуют по подозрению в сокрытии доходов.

За его спиной молодой человек сжатой в кулак рукой изображал удары молотобойца: вверх-вниз, вверх-вниз. Сэм плотно сжала губы, чтобы не рассмеяться.

– Ладно, не хотите обедать бесплатно – ваше дело. Хотя вам бы это явно не помешало, причем не один раз.

– Вы предложили только один, – ровным голосом сказала Сэм, – а за ту цену, которую нужно выложить за визит специалиста, могли бы кормить меня целый год.

– Все, предложение отменяется. – Он втянул голову обратно в окно и повернулся к молодому, который занесенной рукой с деланным видом заскреб голову. – Пусть вирус остается и предупреждает людей о вреде кофеина – мне плевать. Нам все равно нужно увеличивать объем продаж травяного чая.

В ответ на ухмылку молодого продавца девушка покачала головой:

– Скорее всего, такой способ здесь вряд ли бы сработал. Вирус наверняка окопался в головном узле, поэтому при включении системы он снова будет тут как тут.

– Пока вирус не уничтожит что-нибудь, до него никому нет дела, – откликнулся он, пожилая костлявыми плечами. – Для этих ослов вирусы – вроде граффити на стенах.

Позади снова раздался гудок.

– Долго еще, я спрашиваю? – уже громче задала свой вопрос женщина за рулем.

– Мы почти закончили! – отозвалась Сэм.

Продавец протянул ей пакетик и высокую термокружку с кофе. Поблагодарив, она немного отъехала, уступая место раздраженной женщине, после чего разорвала пакетик и набросилась на еду. Рисовый шарик выкатился ей на колени и рассыпался. В руках осталась почти пустая оболочка из скрученных конусом водорослей. Сэм выругалась про себя и двинулась по Артезии в сторону Мимозы, одной рукой зачерпывая рис с колен и отправляя его в рот.

* * *

– Где Гатор? – спросила она у парнишки, которого застала в палатке. Ему, наверное, едва исполнилось пятнадцать, и лицом он был чистый херувим, только не расчесывающий густых темных волос, скатавшихся в дреды.

– На службе, – ответил он, подтягивая штаны, явно с медицинского склада, отчего выглядел малолетним бездомным хирургом.

– На какой такой службе?

– Просила передать, что пойдет молить бога, чтобы он тебя простил.

Сэм недоуменно моргнула.

– Я в аду, – наконец выговорила она. – Видимо, незаметно настал конец света, и я попала в ад.

Она потерла лоб рукой, пытаясь собраться с мыслями. Хорошо хоть парень говорил по-английски.

– Гатор действительно просила мне это передать?

Теперь мальчишка выглядел смущенным.

– Ну, вообще-то, она велела так говорить всем, кто зайдет сделать татуировку.

Сэм расхохоталась и, продолжая смеяться, плюхнулась в старое парикмахерское кресло, чем явно встревожила паренька.

– Эй, лучше не надо. Она пообещала убить меня, если кто-нибудь тут набезобразничает.

– Я не безобразничаю, а веселюсь. Понимаешь разницу? – ответила девушка и повернула кресло к столу. Принтер, как обычно, стоял в углу, но ноутбук Гатор забрала с собой. На службу. Скорее всего, в больницу для неизлечимо информированных Святого Дисмаса, только вот где она теперь находится?

И тут Сэм вспомнила о бывшем инжекторе у себя в кармане.

– Эй. – Подросток следом за ней подошел к углу палатки. – Ей точно не понравилось бы, что ты тут возишься.

– Не вожусь, а подключаюсь, – сказала Сэм, раскручивая провода, аккуратно свернутые вокруг ножки стола. – Просто подключаюсь.

Она нашла нужный провод, вставила штекер в свой экс-инжектор, подсоединила очки и чип-плеер.

– Не бойся, парень, когда Гатор вернется, я не позволю ей убивать тебя... мучительнее, чем ты заслуживаешь.

Сэм уселась прямо на песок и надела очки. Экран в левой линзе засветился; в первые пару секунд изображение было расплывчатым, а потом экран подстроился под фокусное расстояние глаза. Тут ее похлопали по колену. Посмотрев поверх очков, она увидела паренька, который спросил:

– Эй, а ты знаешь, что у тебя вши?

– Это не вши, а рис суши. А теперь не отвлекай меня, я соединяюсь с сайтом «Помолись».

– До чего ж вы, тетки, религиозны, – проворчал подросток.

Несколько мгновений – и она уже просматривала меню «Общественной сети», пока, наконец, не нашла ссылку на больницу для неизлечимо информированных Святого Дисмаса. Не задерживаясь на доске объявлений, Сэм сразу вошла в конференцию. На экране появилось сообщение: *Вас неправильно информировали. На этой доске нет конференции. Если вы хотите помолиться – сделайте, пожалуйста, пожертвование. Если нет – пожалуйста, нажмите кнопку «Выход» и покиньте этот раздел.*

Пришлось опустить взгляд, чтобы, не снимая очков, набрать на мини-клавиатуре свой вопрос: «Идет ли служба?»

Чтобы попасть на службу – сделайте, пожалуйста, пожертвование.

Сэм послала схему модернизированного инжектора. После краткой паузы появилась надпись: «Теперь доктор вас примет».

Девушка нахмурилась. Доктор? Боже, разве теперь Святой Дисмас одаряет вирусом всех, кто вызывает подозрение? Она было вновь застучала по клавиатуре, но тут на экране засветилось новое сообщение: *Замечательно, что ты вернулась, Сэм! Отправляйся к Фецу, там все узнаешь*, – и резкое отключение, не просто возврат в главное меню, а выброс из сети.

Сэм сняла очки и потеряла глаза. Фец. Конечно. Наверно, надо было сразу к нему ехать. Он знал все – или почти все. Может, он в курсе того, что случилось с Кили. Или как связано приобретение «Диверсификацией» компании по производству видео со схемой нейрона головного мозга человека, закодированной Кили в музыке, которую он не выносил. Возможно, Фец знает. Ведь кто-то же должен.

Глава 4

Дом выглядел совершенно обычно, как и вся улица, поэтому Гейб точно знал – здесь что-то не так.

Марли подтолкнула его слева.

– Внутри он гораздо мрачнее, – не повышая голоса сказала она. – Коста рассказывал, что один парень с голодухи помер, а пути наружу так и не нашел.

Гейб покачал головой:

– А ты веришь всему, что Коста говорит?

– Этому – верю. Ведь он бывал там, а мы нет. – Она перевела глаза на Кариту, стоявшую справа от Гейба. У Кариты в руках был портативный видеопроектор, она слегка улыбалась и выглядела вполне уверенно. Гейб же был отнюдь не так уверен в успехе. Проектора лучшего, чем этот, найти за такое короткое время им бы не удалось, но уж очень мал он был. Под стать самой Карите. Косые лучи вечернего солнца, казалось, выбивали искры из черного ежика ее коротко стриженных волос. У Марли, напротив, топорщились буйной гривой кудри густо-медового отлива.

Будто прочитав его мысли, девушка собрала волосы и скрутила в пучок на затылке. И как они там держатся? Наверное, Марли не дает им распуститься усилием воли. Вполне может быть. Марли улыбнулась и обняла Гейба своей сильной рукой за плечи.

– Только не говори мне, что ты хочешь жить вечно.

Гейб поморщился. Сплошные мускулы – девушка была на добрых три дюйма выше него.

– Не сломай мне ключицу – она еще может мне пригодиться.

– Разве тебе не хочется, чтобы я тебя крепче обняла, вертун? – Марли его еще разок стиснула и отпустила.

– Все, чего мне сейчас хочется – пробраться внутрь, найти вашего друга и выйти невредимым.

– Нужно добраться до этой вирусной программы, – серьезно заметила Карита. – Мне не нравится, когда в клиниках копаются у людей в мозгах.

– А мне вообще клиники не нравятся, – сказала Марли. – Пошли. Устроим небольшой погром.

* * *

На звонок никто не отозвался. Карита взялась за ручку двери, раздалось жужжание.

– Вот паскудство, – воскликнула девушка, – она меня обожгла.

– Будем считать это началом боевых действий, – сказала Марли и вынула из кармана карточку. – Хорошо, что я захватила ключ Косты.

Гейб внимательно осмотрел дверную раму.

– Прекрасно, но куда тут его вставлять?

– Подожди, увидишь.

Марли дотянулась рукой до верха притолоки и протолкнула карточку внутрь. Когда та полностью исчезла, дверь распахнулась. Первой вошла Карита, держа проектор наготове. Потом Марли, втянувшая за собой Гейба. Он бросил взгляд назад и в щель закрывающейся двери успел заметить маленькую детскую фигурку с прощально поднятой рукой. Картина подняла в нем волну суеверного страха. Но Гейб тут же одернул себя. Скорее всего, клиника специально создала голографическую проекцию, чтобы запугать их.

Полутемная прихожая была заставлена старинной мебелью. Неживым холодным блеском сияли полированные поверхности. Марли потянула его за руку, и они последовали за Каритой вглубь дома.

У первого дверного проема Карита остановилась и сделала им знак рукой. Марли прижалась к стене, притиснув к ней заодно и Гейба. Где-то наверху послышались приглушенные шаги. Шаги пересекли комнату и стихли. Гейб ждал, что раздастся звук открываемой и закрываемой двери, но стояла мертвая тишина. Она словно давила на уши.

– Я знаю, что вы здесь, – вдруг раздался женский голос. Гейб подскочил на месте. Марли успокаивающе похлопала его по груди, но было заметно, что и она на взводе. – Поэтому можете зайти и представиться, как добропорядочные граждане, – продолжала женщина. – Если же вы грабители, то вскоре поймете, что представляете для нас куда большую ценность, чем наши богатства – для вас. Заходите же.

Карита резко повернулась и стала в дверях.

– Хорошо. Теперь ваши приятели. Оба. Их двое, как я полагаю. Один из них очень крупный.

Марли подошла к Карите и встала у двери, Гейб – рядом. В старомодной гостиной возле стола он увидел пожилую даму в длинном черном платье прямого покроя. Круглый стол был уставлен склянками и открытыми коробочками с таблетками. Среди них – несколько блестящих металлических боксов наподобие тех, в которых стерилизуют инструменты.

Карита подняла свой проектор. Нижняя половина тела у дамы исчезла.

– Я так и думала, – сказала Карита и расширила луч, чтобы захватить им стол. Бутылочки и колбы тоже исчезли. – Типичное голографическое изображение. Дешевка. Они скрываются в глубине дома и ни за что не осмелились бы высунуться.

– Подождите, – сказал Гейб, глядя на стол. Голограмма женщины замерла с поднятой к воротнику-стойке рукой. Еще через мгновение передача прервалась, и изображение полностью исчезло. – Не все здесь проекция и видимость.

Он сделал осторожный шаг вперед, прежде чем Марли успела дернуть его к себе.

– Пол заминирован, – беззаботным тоном заметила Карита.

Гейб не спускал глаз с металлического бокса, который по-прежнему был на столе.

– Вы же хотели раздобыть программу. Бьюсь об заклад, она сидит в этих имплантатах.

– Подумай, вертун, – вмешалась Марли. – Зачем бы им оставлять на видном месте имплантаты?

– А может быть, это *неони* оставили. Возможно, это ваш друг подает знак.

Марли придвинулась ближе и крепко ухватила его за пояс. Даже труссы потянуло вверх.

– Черт, Марл, – шепнул он, – потише.

– Ты меня еще за это поблагодаришь, – шепотом ответила она.

Гейб осторожно оперся на стол одной рукой и потянулся другой к боксу. Вот он уже коснулся его... И сквозь расступившийся пол полетел вниз, увлекая за собой Марли.

Он скользил по какой-то длинной трубе со множеством изгибов и поворотов, плечи то и дело больно ударялись о ее стенки, а позади него летела Марли.

– Выставь руки-ноги в стороны! – крикнула она. – Постарайся остановиться!

После нескольких попыток ему удалось затормозить, расставив в стороны локти и колени.

– Ну как, Гейб? – раздался сверху голос Марли.

– Получилось, – отдышавшись, откликнулся он.

– Сможешь понемногу продвигаться вверх?

Гейб застонал.

– Нет, лучше уж сразу отращу крылья и взлечу. Это будет не труднее.

Сверху заскрежетало, а потом на плечи ему легли руки Марли.

– А если ты будешь держаться за меня? – предложила она, в голосе чувствовалось напряжение.

– Ты же не можешь втащить вверх нас обоих.

– Пожалуй, нет, но я подумала, что будет легче, если ты уцепишься за меня.

– Кому легче?

– Не трать силы на спор, именно такого поворота они и не ожидают.

Кряхтя, он переместился чуть выше.

– Потому что это невозможно.

– Черт тебя подери, вертун, – застонала теперь Марли, – и зачем ты вообще в это ввязался?

– А что мне было делать? Вручить вам проектор и пожелать удачи?

Локоть соскользнул. Гейб попытался снова упереться в стенку, но слишком резко, так что сорвался окончательно и полетел вниз.

– Проклятье! – крикнула Марли и полетела вслед за ним.

Он приземлился на кучу пахнущих гнилью матрасов и успел откатиться в сторону, прежде чем сверху упала Марли.

– Вот что бывает, если не дать себе труда как следует представиться.

В паре метров от них у белой стены из бетонных блоков стояла та же женщина в черном платье. Медленно поднявшись на ноги, Гейб протянул руку Марли. Но она не спускала глаз с женщины.

– Не слишком ли груб трюк с проваливающимся полом? – спросила девушка.

– Зато эффективен. Целесообразная технология. – Улыбнулась женщина. – Получили то, что заслужили.

– Вертун, я не думаю, что эта мадам реальнее своего близнеца, – сказала Марли, делая шаг в ее сторону.

Изображение женщины вдруг стянулось в яркую красную точку.

– Ложись! – крикнула Марли.

Они распластались на полу, и вовремя – алый луч ударил точно в то место, где только что стояла Марли. Раздалось громкое шипение, от желоба запахло раскаленным металлом. Марли чуть приподняла голову и посмотрела на Гейба поверх матрасов.

– Они тут мастера по части световых эффектов.

Оглушенный и потрясенный, Гейб моргнул, переведя взгляд с того места, где только что находился спроецированный образ женщины, на остывающий желоб.

– А я-то поверил официальным правительственным заверениям, что трансформация голограммы в лазерный силовой луч невозможна.

– Для правительства невозможна, – сказала Марли, озираясь. – Здешние хакеры проникли в файлы команды, которая работала над трансформацией, и подменили данные. – Девушка осторожно поднялась на ноги. – Черт, где мы, в товарном вагоне, что ли?

Комната действительно напоминала товарный вагон: удлиненная, без окон и дверей. Кроме раструба желоба, по которому они сюда попали, других отверстий не наблюдалось. Нагнувшись, Марли вырвала из матраса кусок грязно-желтой пенистой резины и бросила его в стену из бетонных блоков. Тот не отскочил, а прошел через них насквозь и исчез из вида.

– Вот и ответ на мой вопрос, – сказала девушка и двинулась к стене.

Гейб воскликнул:

– Пстой! Что ты делаешь?

– Мы для них как на ладони, вертун, – сказала она. – А если они нас видят, то и я хочу видеть их.

И шагнула сквозь стену. Гейб поспешил за ней.

Вдоль белой стены протянулись длинные ряды кроватей, все они были заняты. Гейб ожидал нападения, но никто к ним не кинулся. Лежавшие на кроватях люди не шевелились и даже не разговаривали.

– Палата-тюрьма, – мрачно констатировала Марли.

– Почему тогда не видно санитаров или охранников? – прошептал Гейб в ответ.

– Они и не нужны, все встроено.

Марли подошла к ближайшей кровати и приподняла лежавшего там мужчину, ухватив за рубашку спереди. Тот безвольно повис с широко открытыми, ничего не видящими глазами. К макушке обритой наголо головы подходил толстый черный кабель, который фиксировали две небольшие клеммы.

– Боже, – сказал Гейб.

– Программы-вирусы здесь изготавливают просто попутно, – тем же мрачным тоном продолжала Марли, укладывая мужчину обратно. – Ты никогда не задумывался, откуда «Лаборатории Соломона» берут все свои наисвежайшие, полностью натуральные нейротрансмиттеры?

Он уставился на нее, не в силах произнести ни слова.

– И если ты считаешь, что это глубокая тайна, покрытая мраком – то ошибаешься, – добавила Марли. – Все прекрасно об этом знают. Даже фирма, на которую ты работаешь, «Ди-Ви». Ты стряпаешь для них рекламные ролики, а руководители высшего звена регулярно получают положенные им дозы нейротрансмиттеров, обеспечивающих максимальную эффективность мозговой деятельности. Заберешься повыше – тоже будешь получать. – Она внимательно обвела взглядом палату. – Если Джимми тут, лучше всего просто выдернуть его кабель и, благословясь, делать отсюда ноги.

В другом конце комнаты показался силуэт мужчины.

– Эй! Вас тут быть не должно!

Он кинулся было прочь, но далеко не убежал – его вдруг пронзил новый алый луч.

В следующую минуту рядом с Гейбом материализовалась Карита, размахивающая проектором.

– Я тут кое-что усовершенствовала в твоём оборудовании. Надеюсь, ты ничего не имеешь против?

– Зачем ты спустилась за нами по желобу? – с недоверием в голосе спросил он.

– Уж этого-то они меньше всего ожидали, верно? – сказала она, подмигнув Гейбу. – Нашли здесь Джимми? Надеюсь, что нет.

– Еще не искали, – ответила Марли. – Идем, скорее.

Они торопливо шли между рядов, Карита сканировала кровати. Гейб не мог сдержать восхищения: обычный записывающий голографический проектор она превратила в целый набор портативных инструментов на все случаи жизни. Любые переделки железа давались ей безо всякого труда, совсем как Сэм.

При мысли о дочери Гейба захлестнуло чувство вины, но сейчас было совсем не время отвлекаться. Они достигли конца палаты, и теперь Марли подталкивала его вслед за Каритой в некое подобие лифта. Двери за ними закрылись. Марли все еще пыталась нащарить кнопки контрольной панели, когда пол под ногами накренился и выбросил всю компанию наружу через заднюю стенку.

– Вот тебе и на! – негромко воскликнула Карита.

Перед ними теперь была вовсе не очередная комната, а длинный темный проулок, заваленный мусором и разбитыми деталями неведомых машин.

– Должно быть, сюда ссылают все машины, которые плохо себя ведут, – заметила Марли. Она приняла боевую стойку, готовая дать отпор любому нападению.

– Можешь разрушить эту картинку и показать нам, где мы на самом деле находимся? – спросил Гейб Карита.

– Все хуже, чем ты думаешь, – сказала Карита. Она включила проектор, и на грязной стене появился яркий круг света. В следующий момент там проступили четкие ядовито-зеленые буквы:

СЕЙЧАС 10.30 УТРА.

11.15 УТРА – СОВЕЩАНИЕ, НОВЫЕ ЗАДАНИЯ НА СЛЕДУЮЩИЙ МЕСЯЦ.

НАПОМИНАНИЕ! ЗАВТРА В 12.30 ОБЕД С МЭННИ РИВЕРОЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО РЕЧЬ ПОЙДЁТ О НОРМЕ ВЫРАБОТКИ.

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ: 24 МИНУТЫ, УЧТЕНО КАК ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД РЕКЛАМОЙ БРОНЕЖИЛЕТОВ ГИЛДИНГА.

ОТСОЕДИНИТЬСЯ: Д/Н?

Гейб застонал.

– Мерзкое напоминание, вертун, или я ошибаюсь? – спросила Марли, ухмыляясь.

– Да уж, – сквозь зубы ответил он. – Гораздо приятнее сражаться с воплощениями технократического зла, чем высидывать очередное совещание по поводу заданий на следующий месяц.

Карита ущипнула его за руку:

– Просто ответь, «Д» или «Н», двигаемся дальше или нет.

– Я к вам присоединюсь позже. – Пообещал он, вставая.

– «Д» или «Н»? – настаивала Карита.

– Да, черт побери, – устало выговорил он. – То есть, «Д». Но не отключайтесь. Пусть действие продолжается!

Проулок растворился в чернильной тьме.

* * *

После команды отсоединиться видеошлем автоматически расстегнулся. Гейб снял его, одновременно отключая контактные провода, идущие к нему от виртуокостюма. Шлем был самой последней модели, намного легче прежнего, но Гейбу все равно иногда казалось, что у него на голове мусорный бак.

Какое-то время он постоял на симуляционной арене, восстанавливая ориентацию. К полудню все тело будет ломить от диких бросков, которые он сегодня здесь совершал. Будто мальчишка-переросток, возомнивший себя суперменом. Арена была немаленькой: пожалуй, самая большая в «Диверсификации». За пятнадцать лет она выросла до размеров баскетбольной площадки – шесть метров в высоту, со всем необходимым оборудованием: бегущей дорожкой, лестничным маршем с меняющейся высотой ступенек, сборным помостом, модулями, заменяющими мебель, толстыми матами.

Помнится, он добрый час втискивал элементы конструкции помоста, со всеми его плоскостями и поверхностями, в грузовой лифт, а потом еще столько же собирал их в нужной последовательности для сцены с ловушкой и желобом. Теперь, глядя на голый скелет, без наложенной симуляции, он испытывал странное чувство стыда, хотя в комнате кроме него никого не было.

«В чем дело, вертун – в игрушечки играем?» – раздался в голове хрипловатый голос Марли.

Видеошлем лежал у него на коленях, словно огромный раскрытый молитвенник, в два раза больше его головы. Основная часть внутренней поверхности была занята экраном, плотно прилежавшим к глазам, наподобие маски аквалангиста, а вокруг располагалось множество лазерных мини-проекторов. Лучевое перекрытие намного превосходило показатели прежней модели. Можно было смотреть в любом направлении, и лучи, отражающиеся от роговицы глаз, мгновенно смещали картинку, которая разворачивалась так же плавно, как если бы он действительно озирался вокруг. Благодаря этому еще легче было погрузиться в симуляцию, чему он отдавался полностью, пока напоминание не заставило его вернуться в реальность.

Он отнес шлем к столу и положил там. Стационарный монитор показывал, что симуляция развивалась дальше без него. Впрочем, если бы он дал команду остановить все – Марли и Карита этого даже бы не почувствовали. Да у них и образа-то сейчас никакого не было – просто мерцающие точки в системе.

«И они навсегда такими останутся», – подумал он, неожиданно ощутив навалившуюся усталость, куда более сильную, чем должна была появиться после сегодняшней беготни. Мерцающие точки, фантазии, воображаемые друзья.

Ну, не совсем воображаемые. Их образы были основаны на внешности двух реальных женщин, которые затерялись в бесконечном потоке моделей, не сумев вызвать заметного всплеска зрительских рейтингов. Трудно сказать, почему. Лично его Марли и Карита поразили с первого взгляда, как только он случайно наткнулся на них в корпоративном хранилище файлов. Может быть, у создавшего их образы программиста выдался особо удачный денек, а может – наоборот, паршивый. Или, возможно, тот парень уже давно медленно сходил с ума, а в момент вызова симулякров Марли и Кариты его перегруженное сознание потеряло последние остатки целостности.

Когда Гейб запросил официальное разрешение на использование этих образов, выяснилось, что «Диверсификация» аннулировала их контракты. Но к тому времени он уже довольно интенсивно пользовался ими, а в глубине ящика стола хранил чипы с исходниками. Время от времени, когда рабочие копии слишком обрастали вариантами выбора, он настраивал их по оригиналам – списанным в утиль оригиналам, напомнил он себе. Даже дважды списанным, если считать женщин, на которых основывались образы, истинным оригиналом. Впрочем, он предпочитал так не думать. Самих этих женщин Гейб никогда прежде не встречал, да и не знал о них ничего, однако не сомневался, что стоит им прознать, что кто-то в компании «Диверсификация» уже два года развлекался их симулякрами, не платя за это ни шиша, – ему неминуемо пришлось бы ублажить их крупной суммой штрафа, а заодно потерять работу.

Боже, целых два года? Неужели? Как глупо. Словно он подросток, которому отказали, и который теперь утешается симуляцией в формате «стань кем хочешь». Поначалу он притворялся, что, активируя образы и вливая их в тот или иной сценарий, он просто разминается перед рабочим днем, разогревает свой творческий генератор. За пятнадцать лет безостановочного штампования рекламных клипов всех этих бронежилетов, медикаментов, клиник красоты, модулей инфолайна и «всеочищающих спреев» без дополнительной стимуляции можно было окончательно перегореть.

Даже исчерпав львиную долю имеющихся сценариев и пустившись в поиски новых поворотов в файлах «стань кем хочешь», он все еще уверял себя, что занимается этим исключительно с целью потренировать воображение. Однако период работы над каждым новым заданием становился все длиннее, а количество готовых роликов медленно, но верно уменьшалось, о чем бескомпромиссно свидетельствовал автоматический журнал статистики его системы. Он продолжал равномерно расписывать проведенное в симуляции время между всеми своими заданиями, оно неумолимо увеличивалось, и Мэнни начал поговаривать о том, что необходимо повысить производительность. Однако теперь Гейб не мог и дня обойтись без того, чтобы хоть

час провести в обществе Марли и Кариты. Час? Да часа четыре, ведь там было так просто забыть о времени.

Он расстегнул молнию эластичного виртукостюма и начал стягивать его с себя. На коже отпечатались барочные завитки проводов и геометрические узоры там, где к телу прилегали сенсоры. У его костюма покрытие было вдвое обширнее, чем у большинства стандартных моделей, только самые дорогие могли похвастать более полным. Лишь в области, хм, гениталий сенсоров не было. Полное покрытие применялось исключительно в костюмах сотрудников, шлифующих новинки Голливуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.